

Из научного наследия А.П. Авраменко (1937–2013)

В настоящем разделе публикуются две статьи, переданные А.П. Авраменко незадолго до смерти в редколлегию журнала «Stephanos». Одним из первых он включился в работу и поддержал наше начинание. Большая часть оставленных нам материалов по желанию автора размещена в интернет-энциклопедии «Stephanos» (<http://stephanos.philol.msu.ru>) – открытом научно-образовательном проекте филологического факультета, инициатором и руководителем которого был А.П. Авраменко.

This section contains two articles referred to A.P. Avramenko shortly before his death, the editorial board of the journal «Stephanos». He was the first who supported our initiative. Most of the materials was given to us at the request of the author posted in the online encyclopedia «Stephanos» (<http://stephanos.philol.msu.ru>) – open scientific and educational project of the Philological Faculty, the initiator and leader of which was AP Avramenko.

I. От П.Я. Чаадаева к Серебряному веку (А. Блок и П. Чаадаев)

Аннотация: В статье выявлена связь идей П. Чаадаева с блоковской концепцией Русского мира. Показано, в каком контексте воспринимала «историографические максимы» Чаадаева, его мысли о религиозном содержании культуры интеллигенция в России во второй половине XIX – начале XX в. Раскрыты аспекты конфликта западников и славянофилов на новом историческом этапе и в соотношении с модернистской эстетикой.

Ключевые слова: Чаадаев, Блок, Вл. Соловьев, Герцен, Печерин, декабристы, западники и славянофилы, западная цивилизация, Москва – третий Рим, экуменизм, христианство, католичество, эмиграция, Серебряный век, символисты

Abstract: In the article the connection of Chaadaev ideas and Block conception of Russian world are regarded. The author shows in what context the Russian intellectuals of the second part XIX – beginning XX Chaadaev's «historiographical maxims» and his thoughts about religious content of culture were perceived, and also the aspects of the conflict of Westerners and Slavophiles in the new historical conditions – in relation to the symbolist aesthetics.

Key words: Chaadaev, Block, Vl. Soloviev, Gertsen, Pecherin, dekabrists, Slavophiles and Westerners, western civilization, Moscow – the Third Rome, ecumenism, Christianity, Catholicism, emigration, Silver Age, symbolists

Имя Чаадаева во всем корпусе сочинений Блока встречается всего несколько раз, но контекст, в который вписываются мысли поэта об этом человеке, всякий раз настолько выразителен, что можно смело утверждать: *Блок всегда помнил о Чаадаеве, и суждения этого оригинальнейшего русского философа значили для него очень много.*

Одна из самых выразительных на эту тему – запись в дневнике 27 декабря 1911 года. Напомню: это время, когда Блок интенсивно работал над первым вариантом поэмы «Возмездие», которая замышлялась в память о недавно умершем в Варшаве отце («Отец лежал в Аллее Роз...»). Поэт пытается понять и запечатлеть воплотившийся в образе отца особый тип русского интеллигента – радикально мыслящего, резкого в суждениях и оценке русской жизни, прямого наследника байронически настроенного поколения 1830-х годов. Поэтому и в его словесной характеристике в дневнике Блока преобладает *бунтарство* и намеренная резкость, может быть даже дерзость, по адресу *толпы* (чисто романтическая коллизия):

«Отец мой – наследник (Лермонтова), Грибоедова, Чаадаева, конечно. Он *демонски* изобразил это в своей незаурядной «классификации наук»: есть сияющие вершины (истина, красота и добро)¹, но вы, люди, – свиньи, и для вас это слишком высоко, и вы гораздо правильнее поступаете, руководствуясь в своей политической по преимуществу (верх жестокости и иронии) жизни отдельными идеалами юридическими (!!!). Это ли не демонизм? Вы слепы, вы несчастны, копайтесь в политике (ласкающая печаль демона) и не поднимайте рыла к сияющим вершинам (надмирная улыбка презрения – демон сам залег в горах, “людям” туда пути нет»².

Чаадаевский тип личности в умах русской интеллигенции XIX века понимался как тип обостренно критического отношения (едва ли не враждебного) к историческому прошлому и, разумеется, политическому настоящему России (николаевская реакция). И то было естественным и оправданным. XVIII век, с его петровско-екатерининскими завоеваниями, когда Россия рвалась и стремительно входила в ряд ведущих европейских держав, установил в общественном сознании и в отразившей этот факт начинавшейся молодой русской литературе господство патриотического пафоса (оды М. Ломоносова, поэмы М. Хераскова – «Петриада», «Россиада» – по образцу «Генриады»

¹ Отзвук сохранившегося в Блоке *соловьёвства*: знаменитая триада великого философа – Истина и Добро, явленные в образах Красоты, как присутствие в жизни Божественного Абсолюта.

² Блок А. Собр. соч. Т. 7. С. 112.

Вольтера). Начало XIX века, казалось, продолжило эту традицию (идея просвещенной монархии у Пушкина и христианской святости и нравственного поучения у Гоголя), особенно в свете героического антинаполеоновского похода русской армии в Европу. Однако этот поход имел и обратный, «просветительский» эффект, стимулировавший процесс роста национального самосознания, у истоков которого преимущественно стояло русское офицерство, поколение декабристов. Наиболее яркой фигурой в этом поколении видится фигура П.Я. Чаадаева. Именно он в своем знаменитом *философском письме* 1829 года (долгое время адресатом письма называлась Ек.Дм. Пашкова, знакомая Чаадаева; позже было установлено, что эпистолярная форма сочинения – дань устойчивой литературной традиции XVIII–XIX вв.) обозначил совершенно новый тип гражданских отношений к тому, что в совокупности называется Отечеством. Несколько лет письмо распространялось в списках (как и пьеса «Горе от ума» А. Грибоедова в те же годы), а в 1836 Н. Надеждин, редактор журнала «Телескоп», напечатал его и тем, можно сказать, открыл новую страницу судеб русской интеллигенции. Впечатление от «разоблачений» Чаадаева было подобно взрыву; редактор попал в число неблагонадежных, журнал закрыли, автора объявили сумасшедшим. Находившийся тогда в золотом двадцатичетырехлетнем возрасте, когда окончательно формируется жизненное кредо, А.И. Герцен воспринял письмо Чаадаева как «выстрел, раздавшийся в темную ночь», о чем он потом с воодушевлением вспоминал в «Былом и думах». Это не просто образ-метафора, это образ-символ. Знаменитую ленинскую константу «Декабристы разбудили Герцена» не грех, восстанавливая историческую справедливость, слегка скорректировать «Чаадаев разбудил Герцена»; в декабристскую пору 13-летний Герцен мало что понимал в политических лозунгах.

И все же преобладающей реакцией на письмо Чаадаева было негодование – слишком уж антироссийски звучали его пассажи. Ответить ему готовились многие: Белинский, Хомяков, Аксаков, Киреевские, даже сам Герцен. Но началась травля Чаадаева со стороны правительства, и духовные вожди русской интеллигенции в соответствии с ее главенствующим гуманистическим принципом (в новую историческую эпоху Серебряного века наиболее полно отразившимся в «Лебедином стане» М. Цветаевой и «Днях Турбиных» М. Булгакова) – гонимый, обиженный – значит прав – воздержались от полемики. Ответил Чаадаеву только А. Пушкин. Как и ранние разоблачения А. Радищева («Путешествие из Петербурга в Москву»), гневные филиппики Чаадаева не казались ему воплощением всей правды: важнейшим компонентом любой критики в адрес России он считал... любовь к России. А вот любви-то к родине он у Чаадаева и не увидел. С этим должно поспорить.

Историографические максимы Чаадаева, изложенные в его письме, хорошо известны, и не о том исключительно речь. Отметим один важнейший момент в его концепции. «Прекрасная вещь – любовь к отечеству, но есть нечто

более прекрасное – любовь к *истине*. Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Теперь мы прежде всего обязаны родине *истиной*. Я люблю отечество, как Петр Великий научил меня любить его».

И через десять лет (1846), уже будучи автором «Апологии сумасшедшего», почти дословно повторяя себя, он писал А. Тургеневу (у Пушкина – «хромой Тургенев», один из его друзей, близкий декабристам): «Я любил мою страну по-своему, и прослыть за ненавистника России мне тяжелее, чем я могу Вам выразить... Как ни прекрасна любовь к отечеству, но есть нечто еще более прекрасное – любовь к истине. *Не через родину, а через истину ведет путь на небо*».

(В скобках замечу, что слово *истина* – любимое слово Блока и в поэзии, и в публицистике, и в письмах, дневниках.)

Н.А. Бердяев очень тонко и точно поставил выразителем этих чувств рядом с Чаадаевым Вл.Серг. Печерина (1807–1885), философа, историка, поэта, профессора Московского университета, отчего он для нас особенно интересен. В год чаадаевского «выстрела в ночи», 1836, Печерин бежал из этой ночи, как в XX веке говорили об эмигрантах – «выбрал свободу», уехал из России в Англию, через несколько лет принял католичество, и вся его дальнейшая жизнь связана с английскими монастырями. Ему едва ли не первому принадлежит поэтическое воплощение чаадаевского амбивалентного отношения к родине. Вот эти две строки:

Как сладостно отчизну ненавидеть!
И жадно ждать ее уничтоженья.

Бердяев безусловно прав, когда утверждает, что «это мог написать только русский и притом русский, который, конечно, страстно любит свою родину. Долгий путь католического монашества не убьет в нем тоску по России, которая будет лишь возрастать». Именно такой *любви проклинающей*, любви, требующей обновления во имя будущего, Пушкин понять не хотел. Приходится предположить, что, проживи он немного дольше, он бы и к другим дерзким признаниям и посланиям своего младшего гениального современника М. Лермонтова отнесся бы с подозрением – «Прощай, немытая Россия, / Страна рабов, страна господ...» и «Люблю отчизну я, но *странною* любовью...» (оба стихотворения 1841 года). А уж Лермонтов в двадцать два-то года, можно не сомневаться, Чаадаева читал с воодушевлением.

В позднейшей русской литературе (в поэзии, публицистике, критике), где эта тема из чаадаевских истоков укрепится и станет полноводной, отметим два ее выплеска, ставших хрестоматийно-цитатными. Первый отрывок принадлежит Н. Некрасову:

Кто живет без печали и гнева,
Тот не любит отчизны своей.

Второй – самому Блоку:

И отвлечение от жизни,
И к ней безумная любовь,
И *страсть и ненависть к отчизне...*

И через несколько строк:

Дай мне неспешно и нелживо
Поведать пред лицом Твоим
О том, что мы в себе таим,
О том, что в здешнем мире живо,
О том, как зреет *гнев в сердцах*,
И с *гневом – юность и свобода*,
Как в каждом дышит *дух народа*.
(«Возмездие»)

Даже лексика подчеркнута лермонтовская и некрасовская. Сам Блок не раз признавался, как много значили в его поэтической судьбе эти корифеи отечественной классики. Так что прочерченную линию Чаадаев – Лермонтов – Некрасов – Блок можно без натяжки характеризовать как особую линию гражданской лирики русской литературы.

И в связи с этим одна загадочная подробность: тогда же, за месяц до создания «чаадаевской» характеристики отца, накануне своего дня рождения, 27 ноября, размышляя о себе и мучительно сознавая себя одним из тех «потерявшихся существ», встречающихся во всех странах, но у нас «это черта общая», Блок приводит в дневнике дословное развернутое суждение Чаадаева на эту тему. Составители и комментаторы тома Блока из Собрания сочинений указывают, что это выписка из первого философского письма Чаадаева и приводят отсылку «Сочинения и письма П.Я. Чаадаева. Т. 2. М., 1914. С. 114–115». При этом имеется странная ремарка – «*другой перевод*». И не мудрено. Издание сочинений Чаадаева 1914 года, а дневниковая запись Блока – 1911 года. Значит, интересовался Блок Чаадаевым не в связи с изданием собрания сочинений того, а много прежде. И где-то находил другие, ранние переводы. Где – пока установить не удалось.

Как явствует из «Апологии сумасшедшего» и из последующих философских писем, цель историографических разоблачений Чаадаева – оставить в прошлом заторможенность и *особость* России, отторженность ее судьбы от остального мира и разбудить ее во имя будущего. Суть понимания истинной судьбы России, по Чаадаеву, – осмысление ее мессианского предназначения, так как Провидение предназначило ее не только к собственному спасению,

но для спасения всего человечества. Избранническая доля России, конечно, не придумана Чаадаевым; апостолы православного христианства сразу же после гибели Византии признали руководящую роль России в христианском мире, а с XV века идея Москвы – третьего Рима стала усиленно насаждаться в умах европейцев. Чаадаевские манифестации имели целью показать, что *прежде* Россия (Москва) не соответствовала этим дерзким притязаниям, но в постнаполеоновскую эпоху, возвысив себя победой над узурпатором, обновленная Россия должна исполнить свое предназначение.

Тут важно подчеркнуть, что, утверждая необходимость нового *общественного* содержания русской жизни, Чаадаев апеллирует к каждому конкретному собеседнику, так как, по мысли Чаадаева, именно каждая отдельная личность определяет важнейшее направление общественной жизни – *религиозное содержание культуры*, возможность или невозможность устройства Царства Божия на земле. По Чаадаеву, сделав Человека свободным, Творец обязал его быть ответственным за свои поступки, за себя, за историю, за судьбу мира. Эти идеи громко и трепетно отозвались в среде русской интеллигенции, особенно творческой, их развитие в России охватывает такие знаковые фигуры, как Ап. Григорьев, Ф. Достоевский, Вл. Соловьев, Л. Толстой; а в проблематике составляет содержание многих ключевых тем русской классики предсимволистского периода: проблема выбора движения человека к добру или злу, гамлетовская тема личного выбора пути и поступков в «роковые минуты» истории, в осуществлении будущего России. Такими они были восприняты от *учителей* Блоком и его единоверцами, став ключевыми в их творчестве (темы поэта и поэзии, родины и народа, России – Новой Америки и др.).

Проблема выбора дальнейшего исторического пути России, ее будущего наряду с идеей борьбы против крепостного права составила основное содержание духовной жизни и размежевания в среде русской интеллигенции с тех самых чаадаевских времен. Разделение шло по линии приверженности национальной самости или отказа от нее с целью присоединения «к европейской семье народов» и обозначилось противостоянием *западников* и *славянофилов*.

Чаадаев и сегодня многим видится решительным противником славянофильства, одним из самых яростных сторонников переориентации России на западное направление развития, не случайно-де он ведь ставил себя вслед за Петром Великим, «прорубившим окно в Европу». Устойчивыми долгие годы даже были слухи (никакими фактами, документами, впрочем, не подтвердившиеся) о переходе Чаадаева в католичество. В действительности всё обстояло в духовном мире русского мыслителя и сложнее, и с большими, чем это представляется поверхностному взгляду, последствиями для всей русской общественной и философской мысли. Переход в католичество в те годы означал неизбежность эмиграции, переезд на запад (пределы Варшавы как минимум). Покидать Москву Чаадаев не собирался (он похоронен на кладби-

ще Донского монастыря, его могила сохранилась по сию пору) и в католичество не обращался. Но его внимание к Западу было искренним, сильным и мировоззренчески обоснованным.

Самую сердцевину чаадаевской мысли составляет убеждение в том, что религия-вера – фундамент цивилизации и культуры. Все завоевания западной цивилизации и очевидные успехи в строительстве культуры Чаадаев объясняет исторической созидательной ролью христианства в его западной ипостаси, то есть католичества. И отринуть всё созданное человечеством в области литературы, музыки, архитектуры, философии, теологии, эстетики и т. д. только потому, что это не в русле православия, он не хотел и не мог.

Экуменизм – как теория, как движение за объединение всех ветвей христианства с целью усиления влияния Церкви на общественную жизнь Европы, борьбы с атеизмом и вообще сближения всех христиан – возник лишь в начале XX века; но плодотворность такого сближения-союза понятна была многим европейцам изначально, еще со времен Великого Раскола в христианстве в XI–XII вв. Чаадаев был из числа таких людей. Прогнозируя и подготавливая пробуждение России для великих мессианских дел, он видел ее роль не в покорении Запада, а в наследовании и усвоении всех его завоеваний; только так, считал он, Россия исполнит свою роль мирного объединителя и руководителя всех христиан. Тут важно учесть, что борьба западников и славянофилов, доходившая до нелицеприятных схваток, до язвительной журнальной полемики, а то и до рукопашных столкновений, – все же приходится на постчаадаевский период русской истории, а в 1830–1840 гг., когда размежевание только обозначилось, когда, как говорят историки, «западники и славянофилы еще встречались в одних гостиных», в их отношениях еще преобладала идея мирного и, главное, плодотворного союза. Западники (Чаадаев, Белинский, Герцен) не отрицали созидательного патриотического духа славянофилов; те, в свою очередь (Хомяков, Киреевские, Аксаков, Самарин), не стеснялись признать, что у Запада много есть чему поучиться молодой России.

С годами по мере усиления размежевания усиливалось и подозрительно-враждебное отношение славянофилов к западникам. Но до конца избыть здоровое понимание того, что «худой мир лучше доброй ссоры», конечно, было невозможно. И самый факт оформления экуменизма как заметного течения европейской религиозной мысли свидетельствует об этом. Тогда стало заметно, что у Чаадаева сохранились преемники, особенно в среде деятелей новой философии и нового искусства, еще и многими другими путями, а не только через Чаадаева, разумеется, связанные с Западом. Среди тех деятелей, кому идеи экуменизма в разной степени представлялись плодотворными, можно назвать Вл. Соловьева, Вяч. Иванова, Андрея Белого, С. Соловьева. Не чужд им оказался и Блок.

Здесь сказалось и глубокое увлечение идеями Вл. Соловьева на раннем этапе творчества, и то, что Блок в течение долгих лет не терял связи с отцом,

а после его смерти со своей единокровной сестрой Анжелиной, существовавших в варшавско-католическом окружении, вызывавшим живейший интерес поэта. И, видимо, не случайно поэма «Возмездие», с которой мы начали освещение темы, в замыслах Блока имела специфический разворот. Предполагалось, о чем поэт пишет в «Предисловии» к поэме, что блестящий лермонтовско-чаадаевский герой-«демон»-отец истощает свои силы в борьбе и страстях, не умея найти им достойного применения. А обретение истины и разумных устремлений выпадает на долю новых поколений, так как «Юность – это возмездие» (эпиграф из Ибсена). И завершение поэмы куда как выразительно; лучше Блока не скажешь, вот фрагмент его конспективного наброска: «Действие поэмы переносится из русской столицы... в Варшаву – кажущуюся сначала задворками России, а потом призванную, по-видимому, играть некую мессианическую роль, связанную с судьбами забытой Богом и истерзанной Польши... В эпилоге должен быть изображен младенец, которого держит и баюкает на коленях простая мать, затерянная где-то в широких польских клеверных полях...» Так мотив католицизма ширится, крепнет; лейтмотив возмездия-мазурки (выделено Блоком!) пронизывает весь текст; образ младенца-сына, выпестованного новой Богоматерью, приобретает воистину образ Нового Мессии – «И за тебя, моя свобода, взойду на черный эшафот». Он тот, «который, может быть, наконец, ухватится ручонкой за колесо, движущее человеческую историю».

Экуменистические мотивы, как видим, в поэме (в замысле только, разумеется, а не в текстовом воплощении; но тем не менее...) присутствуют как *спасительные для России*.

После сказанного не покажется излишней фантазией, что (как утверждают польские и итальянские теологи) идущий в финале поэмы «Двенадцать» во главе отряда красногвардейцев, устремленных к обновлению мира –

В белом венчике из роз –
Впереди – Иисус Христос –

образ по обличью вполне католический.